

ЛЮДИ СВЕРХУ

Фарс в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Борис Борисович Трушкин, завкафедрой культуры речи и селекции крупного рогатого скота, 55–60 лет. Говорит медленно и туго реагирует на реплики

Члены кафедры:

Анна Григорьевна, заместитель Трушкина, бой-баба, 50 лет*

Инна Николаевна, прихвостень и выскочка, 30–35 лет

Галина Семеновна, кость в горле у заведующего кафедрой, 40 лет

Петра Петровна, тонкая язва, 60 лет

Татьяна Викторовна, исполнительный работник, принимающая любое новаторство, 40–50 лет

Антонина Михайловна, готовая даже спорить, лишь бы не отправили на пенсию, 55 лет

**Впрочем, имена и возраст персонажей не имеют почти никакого значения.*

Не члены кафедры, невесть откуда взявшиеся:

Женщина с курсов повышения квалификации

Мужчина из шахматного клуба

Аккуратный юноша Сверху

Нереальная женщина

Люди Сверху (без слов и без дел)

Сцена представляет собой два яруса. Нижний ярус – члены кафедры с заведующим, верхний – люди сверху. Как только поднимается со стула член кафедры, его стул перемещается в верхний ярус и занимается новым Человеком Сверху. Таким образом, нижний ярус постепенно пустеет, исчезает, а верхний – ширится.

Каждый раз перед заседанием кафедры заведующий обегает верхний ярус, отдает бумаги и получает распоряжения и пинки от Людей Сверху.

Борис Борисович. Коллеги, разрешите вас поздравить с началом нового учебного года. В этом году, как вы знаете, у нас целиком и полностью сменилось руководство наверху. Первым шагом в его деятельности стало сокращение кадров и слияние некоторых кафедр нашего вуза. Теперь мы будем с вами служить на объединенной кафедре культуры речи и селекции крупного рогатого скота. Позвольте мне представить своего заместителя – Анну Григорьевну...

Галина Семеновна. А вы бы и сами представились. Не все вас знают.

Антонина Михайловна. (в сторону) А кто знает, так лучше б было и не знать.

Борис Борисович. Я же завкафедрой!

Петра Петровна. Мы поняли. А еще?

Борис Борисович. Я назначен.

Татьяна Викторовна. А вы по какому профилю?

Борис Борисович. Я вел физкультуру, но меня всегда тянуло на философию. Повторяю: меня назначили. Разве это не исчерпывающий ответ?

Члены кафедры вздыхают.

Борис Борисович. Вот, перебили. А еще культурой речи занимаемся!

Петра Петровна. Как? Вы тоже?

Борис Борисович. Мне назначили, ну ясно же! Итак, разрешите представить заместителя - замечательного педагога, крупного ученого, разрабатывающую научную тему, связанную с сахарным тростником.

Анна Григорьевна (уточняя). С проблемами репроизводства сахарного тростника.

Галина Семеновна. Из сахара? А причем здесь культура речи?

Петра Петровна. Просто всем сразу нужна стала культура нашей речи.

Борис Борисович. Не культура вашей речи, а кафедра. От кафедры ждут всего перспективного.

Татьяна Викторовна. Как любопытно! Это же очень перспективная тема, Анна Григорьевна. Это же чрезвычайно важно с прагматической точки зрения. И с педагогической. (Взволнованно.) Мы же здесь все воспитываем и обучаем молодое поколение (смутилась, поскольку прервала заведующего). Извините.

Борис Борисович. Спасибо, Татьяна Викторовна. Вы разрешите, я продолжу.

Татьяна Викторовна. Еще раз извините.

Борис Борисович. Итак, вчера на Большом совете нам сообщили перспективы нашего развития. Наш вуз теперь работает по системе четырех «эм».

Галина Семеновна. Ну да, три «эм» М-М-М в истории себя не оправдали. Трех нынче маловато

Борис Борисович (*строго из под очков смотрит на нее, Галина Семеновна умолкает. Продолжает*) Итак, четыре «эм»! Первое. Модернизация!

Члены кафедры. О!

Борис Борисович. Второе. Мотивация!

Члены кафедры. О—о!

Борис Борисович. Третье...

Галина Семеновна (*не выдерживает*). Мистификация.

Борис Борисович (*машинально*). Мистификация.... Галина Семеновна! ... Третье... Вот все, сбили, забыл начисто.

Татьяна Викторовна (*робко*). Может, тогда скажете четвертое?

Борис Борисович. Нет, четвертое без третьего никак нельзя (*вспоминает, бормочет «Мама», «Мороженое», «Муж», «Муха», «Милость», «Монетизация»*)

Антонина Михайловна. Анна Григорьевна, вы на Ожегове сидите. Давайте по словарю вспоминать.

Анна Григорьевна нехотя поднимается. Антонина Михайловна берет словарь, листает и зачитывает слова на букву М. Борис Борисович отрицательно мотает головой на предложенные слова.

Антонина Михайловна (*медленно*). Магараджа. Магарыч. Магнитострикция.

Борис Борисович задумывается.

Члены кафедры (*с надеждой*). Ну—у?

Борис Борисович. Нет.

Все вздыхают.

Антонина Михайловна (*продолжает*). Маета. Макраме. Марксизм.

Члены кафедры (*с надеждой*). Да! Да! Да!!!

Борис Борисович (*кивает как знак согласия*). Нет.

Члены кафедры. У–у–у!

Антонина Михайловна (*продолжая читать*). Мздоимство.

Члены кафедры. А–ах!

Инна Николаевна. Да, да, конечно!

Борис Борисович (*строго*). Нет.

Члены кафедры. Не–е–ет?

Антонина Михайловна. Миазмы. Микроб. Мировоззрение.

Борис Борисович. Стоп! Третье – Мировоззрение.

Члены кафедры. Уф!

Борис Борисович. А четвертое – Манипуляция.

Антонина Михайловна (*тихо Галине Семеновне*). Да, мистификация все же безобидней.

Галина Семеновна (*тихо в ответ*). А мздоимство – ненадолго.

Татьяна Викторовна. А насчет манипуляции поясните, пожалуйста. Кто кем манипулировать должен? Мы ими или они – нами.

Антонина Михайловна. А мотивация? Кто кого должен мотивировать? И чем?

Борис Борисович. Пока на этот счет инструкций не поступало. Главное – работать в соответствии... согласно начерченной линии.

С шумом и грохотом, задевая всех, входит тучная женщина, здороваются. Борис Борисович в почтительном поклоне.

Женщина (*отпыхиваясь, объясняет всем*). Я тут сначала на верхний. Наверху ничего.

А с верху – на ваш. Да все пешком. Лифт–то не работает. Уж извините, коли опоздала.

Борис Борисович (*подобострастно*). Ничего, ничего. С верху тяжело вниз, мы понимаем. Мы это очень хорошо понимаем! Здравствуйте. Пожалуйста, проходите, присаживайтесь.

Для гости освобождаются два стула, на которые она усаживается. Члены кафедры мостятся на оставшихся стульях.

Петра Петровна. А как же эти новые направления отразятся на учебном процессе?

Члены кафедры:

– Да. Как?

– Опять заставят писать новые планы?

– А премия будет в этом квартале?

Борис Борисович (*продолжает, явно работая на гостью*). Коренным образом изменятся. И в лучшую сторону. Как заверили Люди Сверху, все будет хорошо.

Петра Петровна. Куда уж хорошо!? Разве лучше бывает?

Борис Борисович. Как говорят Люди Сверху, все, что было до нынешнего дня – было плохо. Просто вы все думали, что было хорошо. А было плохо. Очень плохо. Теперь все пойдет по-другому.

Инна Николаевна. Значит, премию дадут?

Борис Борисович. Насчет премии пока не говорили. Надо сначала поработать. Так ведь, Анна Григорьевна? (*Анна Григорьевна кивает.*) Вот и Анна Григорьевна со мной соглашается. (*Строго всем*) Итак, коллеги, к завтрашнему дню на моем столе должны быть ваши новые планы занятий.

Члены кафедры (*нервно*). Как к завтрашнему? Не успеем. Не успеем.

Женищина (*вытирая пот, поднимается*). Я не поняла. Это не курсы повышения квалификации для заготовителей комбикормов? Ошиблась! (*Всем, недовольно*) И не сказали, что не курсы! Э–эх! (*Направляется к выходу, задев других.*)

Борис Борисович (*проводя ее взглядом, потом облегченно вздыхая*). Ну, хорошо, к концу недели сдайте.

Все также облегченно вздыхают, готовы подняться, полагая, что заседание окончено.

Борис Борисович. Уважаемые дамы! Это еще не все. У нас еще есть вопросы. Теперь наши новые Люди Сверху хотят, чтобы вы как можно скорее почувствовали изменения к лучшему. С завтрашнего дня обязательно пребывание на работе с 9.00 до 18.00.

Галина Семеновна. И даже те, у кого в этот день нет занятий?

Борис Борисович. Да, уважаемая Галина Семеновна. И у кого нет занятий – тоже. Те, у кого нет занятий в этот день, в первую очередь обязаны находиться на кафедре.

Ропот членов кафедры.

Контролировать буду лично. Видите: завел красную папку, в которую буду заносить все ваши пропуски.

Галина Семеновна. Жаль, что не зеленую. Зеленый – цвет надежды.

Борис Борисович. А кому не нравится, тот может написать на меня (*подыскивает слово*)...

Анна Григорьевна. Скажите по-морскому: рапорт.

Борис Борисович (*Анне Григорьевне*). Спасибо. Телегу.

Антонина Михайловна. О, телеги – это не наш вид транспорта. Это вы преуспели.

Борис Борисович. Я? Ничего подобного.

Антонина Михайловна. Вы же в прошлом году откатали начальству телегу на меня.

Борис Борисович. Я? Ничего подобного.

Антонина Михайловна. За мою неблагонадежность. За то, что я не поддержала
вашего самовыдвижения на доску почета.

Борис Борисович. Я? Ничего подобного.

Антонина Михайловна. Зря отпираетесь, я же видела, мне показали. Расписали аж на
семи страницах.

Борис Борисович. Ну уж и не на семи, а на четырех!

Петра Петровна (желая погасить назревающий конфликт). А как же мы здесь все
разместимся? Ведь помещение совсем маленькое.

Борис Борисович. Ну не все же будут сидеть здесь сразу. Кто-то будет на занятиях?

Галина Семеновна. А после пар? А в перерыве?

Борис Борисович. Ну, можно и постоять. Зато нам здесь поставят персональный
кофейный агрегат. Бесплатный! Код для получения кофе мне уже сказали

Галина Семеновна. А какой код?

Борис Борисович. Пока еще рано говорить об этом. Тем более вам, Галина Семеновна.
Агрегат поставят только дня через два. А сейчас я иду доложить Людям Сверху, что
мы готовы работать по-новому!

*Вбегает на верхний ярус, где происходит обмен бумагами. Сделав проход
туда-обратно, возвращается после пинка и плюхается на свой стул.*

*Кучно сидят сотрудники кафедры. На коленях бумаги, кое-кто смотрит в свои
ноутбуки. Все сосредоточенно что-то заполняют, записывают, забивают в ноуты.
Переговариваются, задают вопросы заведующему*

— А это как заполнить?

— А что делать, если не умещается в строку?

— А это считается?

— А это не считается?

Борис Борисович (отвечая на каждый вопрос). Попробуйте как-то заполнить. Нужно
уместить. Давайте не будем это считать. А вот это будем считать.

Скромно входит благообразный мужчина лет 65–70, с блокнотом в руке, здоровается со всеми и останавливается. Борис Борисович вскакивает с кресла, услужливо предлагает мужчине садиться, просит сдвинуться членов кафедры. Мужчина отнекивается, ему неудобно, что женщинам приходится тесниться. Борис Борисович усаживает его на отдельный стул рядом с Петрой Петровной. Тот раскрывает блокнот и что-то записывает.

Татьяна Викторовна (ни к кому конкретно не адресуясь). А вот как поступить с эф–восемь?

Петра Петровна. Оставьте, не трогайте. А как у вас с цэ–два?

Татьяна Викторовна. Пока никак, я еще не готова.

Петра Петровна. А я на гэ–шесть застряла и не знаю, куда дальше.

Мужчина (посмотрев в свой блокнот, тихо Петре Петровне): А почему бы вам не пойти конем на F–8? В противном случае, вам грозит мат в три хода.

Петра Петровна смотрит на него непонимающим взглядом, говорит «спасибо» и вновь возвращается к бумагам и ноутбуку.

Петра Петровна. Господи, да не попасть никак в цэ–два!

Галина Семеновна (с горечью). Убивают нас этим. Совсем уже убили!

Мужчина (поднимаясь). Извините, я перепутал двери. У вас тут играют в «морской бой», а я ищу шахматный клуб. (Откланивается, уходит, на него женщины не обращают никакого внимания. Борис Борисович явно недоволен.)

Борис Борисович. Так, кто первый заполнил план нового образца в Экселе? Сдавайте.

Татьяна Викторовна поднимается передать план.

Татьяна Викторовна. Я заполнила. (Всем) До свидания! (Уходит)

Тут же ее стул поднимается на верхний ярус. Все провожают взглядом улетающий стул, а потом, утирая слезы, машут Татьяне Викторовне вслед платками. Потом молча и скорбно подходят и сдают свои бумаги. Борис Борисович бежит на верхний ярус с бумагами.

Сотрудники сидят и с надеждой поглядывают на установленные сотрудниками верхнего яруса огромные, выше человеческого роста, песочные часы. Песок скоро

высыплется, и можно будет идти домой. После пинка Борис Борисович наталкивается на песочные часы, которые переверачиваются – и время отсчитывается заново. Члены кафедры горестно вздыхают.

Борис Борисович. Я только что с Большого ...

Галина Семеновна (показывая на перевернутые часы). Бодуна?

Борис Борисович (недовольно морищится). С Большого Бедлама

Члены кафедры (удивленно). Откуда?

Борис Борисович (разозлившись). Я прошу не перебивать, когда говорит заведующий!

Я просто с Большого. То есть Сверху. И там, между прочим, стоял вопрос о нашей кафедре. Мы не приносим никакой пользы обществу и нашему вузу.

Галина Семеновна. Неужели? Может, еще и кровь сдавать? Я могу. У меня и флюорография хорошая.

Борис Борисович (раздраженно). Галина Семеновна! ... В соответствии с нашим Путевым листом...

Хохот сотрудников.

Простите (явно испугался оговорке)... в соответствии с нашей Дорожной картой нам предписано стать одним из звеньев цепи, а мы, как сказали Люди Сверху, тормозим общую скорость.

Галина Семеновна (шепотом напевает). Крепче за баранку держись, шофер!

Антонина Михайловна. Как бы эта Дорожная карта не обернулась для нас всех (словно обхватывает лоб ленточкой и складывает руки на груди) подорожными.

Борис Борисович. Нам велено Людьюми Сверху в ближайшее время оправдать свое существование и доказать, что мы на что-то годимся и наше пребывание в границах вуза не является для него обузой. Что мы можем сделать, господа... вернее, дамы.

Петра Петровна. Все правильно, наши дамы – это тоже господа.

Галина Семеновна (тихонько декламирует, раскачиваясь). Мы для вуза не обуза, мы для вуза не обуза, мы для вуза не обуза...

Борис Борисович. Галина Семеновна, вы прекратите или нет свои мантры?

Галина Семеновна (чистосердечно и просто душно). Мне ничего не придумать. Разве что драмкружок.

Петра Петровна. Лучше агитбригаду. И выступить с транспарантом «Даешь культуру речи – мать вашу!»

Входит аккуратный молодой человек с бумагами в руках.

Борис Борисович (*строго*). Что вы хотели? Вы кто такой? Разве не видите, что идет заседание?

Аккуратный. Я – Сверху.

Борис Борисович (*меняя тон*). Так что же вы молчали? Проходите, пожалуйста, пожалуйста. Что вам угодно?

Аккуратный. Мне угодно Петру Пётровну.

Члены кафедры (*хором поправляют, указывая на нее*). Пётровну.

Аккуратный (*несколько стушевавшись, обращаясь*). Петра Пе...Пе..

Члены кафедры (*подсказывают*). Пётровна.

Аккуратный. ...Пётровна, вы писали заявление на оплату проезда на конференцию в Голенищевск. Вот ...принято решение. А вот здесь вам нужно поставить роспись.

Антонина Михайловна (*язвительно*). Роспись! Городецкую или хохломскую?

Боже мой, боже! А ведь это наш бывший студент! Как учим, как учим?!

Петра Петровна (*Аккуратному*). Подпись, зайка моя, подпись (*расписывается*).

Роспись – на потолке.

Аккуратный (*старается скорее выполнить поручение*). И вот здесь еще поставьте...(запинается) ее же. (*Петра Петровна расписывается*.)

Аккуратный уходит.

Антонина Михайловна. Петра Петровна, неужели не отказали?

Петра Петровна. Нет, не отказали, оплатят дорогу. Оттуда.

Галина Семеновна. А туда?

Петра Петровна. Туда никому не оплачивают. Но раз обратная дорога оплачена, то приходится ехать туда. За свой счет.

Антонина Михайловна. Я слышала, Анне Григорьевне оплатили туда и обратно.

Верно, Анна Григорьевна?

Анна Григорьевна. Сверху знают, кому оплатить все, а кому – половину.

Петра Петровна. Quod licet Iovi non licet...

Галина Семеновна (*заканчивая фразу*) ...корове.

Петра Петровна (*миролюбиво*). Ну вы нахалка. Неужели я, по-вашему, корова?

Галина Семеновна. Пётровна, дорогая, ну при чем тут частности, когда речь идет об афоризме? Vovі означает «быку», персонажу мужскому, а у нас коллектив женский за редким исключением (*шепотом, только ей*), которое я бы лично исключением не считала (*тихо смеются*).

Борис Борисович. Итак, я за новыми инструкциями. А если у кого есть еще какие-нибудь предложения, можете мне передать сейчас ...анонимно.

Борис Борисович поднимается на верхний ярус – и все повторяется.

Члены кафедры переговариваются перед началом заседания, ожидая Бориса Борисовича.

– А кто знает, как новое начальство зовут?

– Как зовут, никто не знает. А фамилия вроде Шишкин.

– Шишкин – не начальственная какая-то фамилия.

– Что вы! Самая что ни на есть начальственная.

– Да не Шишкин, а Шикин.

– Тоже вполне начальственная

Получив тинок, Борис Борисович вновь на заседании кафедры.

Борис Борисович. Дамы!

Петра Петровна (шепотом). Господа!

Галина Семеновна (тоже шепотом). Все в Париже.

Борис Борисович (продолжает, потирая поясницу). Я только что удостоился быть отмеченным Людми Сверху. Нам велено подготовить проект модернизации обучающего процесса. Должен вас обрадовать. Со следующего года занятия не будут вестись на русском языке.

Члены кафедры. Warum? Pourquoi? Dlaczego? Perché? ĩuʒnɫ (Инчу)?

Борис Борисович. Нет, нет! Основными становятся английский...

Члены кафедры. Oh, yes!

Борис Борисович. Ну, с этим справится кафедра агрометеорологии английского языка, нам же остаётся севернокорейский. Но я готов на себя взять вне плана жемайтийский, поскольку я рос в литовской деревне. Я выручаю кафедру! (Смотрит на всех победно.)

Члены кафедры. Labai ačiū, pone vadovas!(Лабаи ачу поне вадовас)

Галина Семеновна (задумчиво). Интересно, а вообще-то на свете сколько жемайтийцев?

Борис Борисович. Пожалуйста, занесите себя в список готовых вести занятия севернокорейском.

Антонина Михайловна (апеллируя к разуму). Но это совершенно невозможно выучить язык за лето так, чтобы читать на нем лекции

Борис Борисович (*соглашаясь*). Невозможно. Но может, кто-нибудь уже знает, может, кто-нибудь из вас провел свое детство в севернокорейской деревне.

Петра Петровна. А какая разница между севернокорейским и южнокорейским?

Борис Борисович (*с надеждой*). Вы жили в севернокорейской деревне?

Петра Петровна. Нет, я только спросила.

Галина Семеновна. А какие предметы читать на этих языках?

Борис Борисович. Что и читали прежде в рамках нашего профиля: культуру русской речи в аспекте биохимии молока и мяса и деловую риторику для пастухов Крайнего Севера. Только на корейском.

Анна Григорьевна (*уточняя*). Севернокорейском.

Борис Борисович (*кивает*). Севернокорейском.

Галина Семеновна. А зачем северным пастухам риторика на севернокорейском?

Инна Николаевна. Ой, а знаете, в магазинах рыжики по-корейски продаются. Я тоже думала: надо же, надо же. Рыжик – такой наш гриб. И вдруг по-корейски!

Галина Семеновна. Ну уж если и рыжики по-корейски, тогда да. Коллеги, кто готов?

Антонина Михайловна (*явно озадачена и несколько напугана*). Что же делать, что же делать? Мне страшно, мне страшно: пенсионеров не жалуют нынче. Вот так возьмут – и уволят. Ведь обязательно уволят. Как пить дать уволят. Я запишусь на всякий случай.

Галина Семеновна. Вы знаете корейский?

Антонина Михайловна. Нет, я немного знаю пошехонский. Но все равно запишусь!

Петра Петровна. Какой же пошехонский язык? Нашли тоже язык. Вы, дорогая, забываете, что у нас не сыроварня.

Галина Семеновна (*шепотом Петре Петровне*). И даже не сахарный завод.

Анна Григорьевна (*услышав, взбешенно*). Галина Семеновна! Я попрошу вас эти гнусные намеки оставить. Сначала напишите докторскую, а потом будете рассуждать.

Галина Семеновна. Неужели чтобы понять, что мы не на сахарном заводе, нужно писать докторскую?

Анна Григорьевна (*вне себя*). Вы здесь никто и звать вас никак, вы работаете без году неделя...

Галина Семеновна (*перебив*). Я здесь работаю четырнадцать лет.

Анна Григорьевна (*продолжая тираду, встав в позу оратора*). Вы никакого права не имеете обсуждать мои профессиональные достоинства, мой профессиональный

многолетний опыт, мои смелые и дерзкие научные гипотезы, мои повергнувшие научное сообщество в трепет открытия, мои тысячелистные труды...

Галина Семеновна (недоуменно). Тысячелистные? Это по ботанике?

Анна Григорьевна. Как вы смеете такого ученого, как я, оскорблять (*далее тирада, состоящая из набора слов, небольших фраз, междометий «гав-гав» и пр., по заключении которой раздаются жидкие аплодисменты.*)

Борис Борисович. Спасибо, Анна Григорьевна, за вашу правду! Я слушал вас с невыразимым удовольствием. И хоть я мало что понял, я просто потрясен, просто ошарашен вашей речью. А с вами, Галина Семеновна, у меня будет особый разговор. Анна Григорьевна совершенно, даже чрезвычайно, права. Во-первых, недопустимо говорить с ней в таком тоне. Во-вторых, здесь мы все специалисты высокого класса.

Галина Семеновна. Значит, и я тоже?

Борис Борисович. Погодите, я же сказал: о вас разговор особый. Вам следует подумать крепко о своем нахождении на нашей кафедре: читать лекции по-корейски вы отказываетесь, студентов вы терпеть не можете, стало быть, что из этого следует?

Антонина Михайловна (словно в бреду напевает). Следует шить сарафаны и легкие платья из ситца...

Галина Семеновна. Что следует?

Борис Борисович. Следует, следует. Еще как следует!

Галина Семеновна. Насчет последнего я не поняла. С чего такое умозаключение?

Борис Борисович. Не придирайтесь к словам. Я хочу сказать, что человек вы хороший, а профессионал никудышный

Галина Семеновна (уже агрессивно). Я согласна быть на работе плохим человеком, но профессионал я хороший

Борис Борисович (вяло отмахиваясь). Кто вам такое сказал?

Галина Семеновна. Ну, например, Ученый совет Той академии, когда я защищала свою диссертацию.

Борис Борисович (в запальчивости). Ой, знаем мы эти академии!

Галина Семеновна (язвительно). Не в одной ли из них мы с вами работаем?

Борис Борисович прикусывает язык и оглядывается.

Борис Борисович (желая закончить разговор). У вас есть еще что сказать?

Галина Семеновна. Есть.

Борис Борисович. Скажите. А я пока пойду отчитаюсь, как мы готовы

Забирает бумаги и уходит наверх. Все повторяется. Только теперь Борис Борисович рукой переворачивает песочные часы.

Борис Борисович. Коллеги! Уважаемые дамы. Нас переводят из этого помещения в другое. Во дворе теперь пустует личный гараж бывшего начальника гаража. Я посмотрел, там уже все покрасили и поставили стулья. Правда, стульев там будет меньше. Со следующей недели переезжаем.

Петра Петровна. Но нам же обещали кофейный автомат?

Борис Борисович. Кофейный автомат обязательно поставят сюда, как только мы переедем. Теперь второе. Люди Сверху постановили, что со следующего месяца вводится обязательная форма: китель и юбка

Антонина Михайловна. Как юбка?

Борис Борисович. Да–да, юбка. Пожалуйста, зайдите в пошивочную на четвертом этаже. С вас снимут мерки.

Петра Петровна. А за чей счет пошив?

Борис Борисович. Конечно за счет владельца кителя.

Анна Григорьевна. Ценным кадрам можно сшить и за счет организации.

Борис Борисович. Да, ценным, конечно.

Анна Григорьевна (намекая). Ну–у?

Борис Борисович (делая вид, что не понимает, повторяет фразу). Да, ценным, конечно.

Анна Григорьевна (наступая на него). Ну–у?

Борис Борисович (словно ища спасения). Галина Семеновна, вы что–то хотели сказать.

Галина Семеновна пожимает плечами.

Антонина Михайловна. А тем, кто на полставки, можно только верх или низ сшить?

Петра Петровна. Закажите целый, а носите раздельно. С разными блузочками.

Борис Борисович. Тут вот еще какое дело, коллеги. Галина Семеновна!

Галина Семеновна. Опять я! Да что ж такое! Сижу молчу.

Борис Борисович. Галина Семеновна, срок вашего контракта кончается в этом месяце. Делать новое представление на переизбрание бесполезно.

Галина Семеновна. Почему же бесполезно? Нареканий у меня не было, я кандидат наук, до пенсии мне еще далеко, а ваше высказывание о якобы моей нелюбви к студентам позвольте считать наветом завистников. Так что я не вижу препятствий к продлению контракта.

Борис Борисович. Вы не сдали справку о своей судимости.

Галина Семеновна. Но у меня нет судимости

Борис Борисович. Я хотел сказать: вы не сдали справку о несудимости.

Галина Семеновна. Но у меня нет судимости.

Борис Борисович (как приговор, страшным голосом). Но у вас нет справки!

Галина Семеновна (встает в растерянности, стул, на котором она сидела, улетает вверх).

Галина Семеновна получает из рук Бориса Борисовича увольнительную.

Все роняют слезы и машут платками. Борис Борисович бежит на верхний ярус.

Оставшиеся члены кафедры сидят теперь в кителях и фуражках. Анна Григорьевна выстукивает мариш.

Антонина Михайловна. А что—то я совсем не вижу студентов. Раньше у входа всегда стояли - курили и матерились. Теперь их нет. И в коридорах пусто. Более того. Захожу в аудиторию – никого нет. Скучно без них.

Анна Григорьевна. Их всех отправили в поля.

Петра Петровна. Какая прелесть! На сельхозработы?

Анна Григорьевна. Нет, просто в поля.

Антонина Михайловна. На геологическую практику? На диалектологическую?

Анна Григорьевна. Нет, просто отправили. (Неодобрительно) Какие у нас непонятливые коллеги все же!

Борис Борисович (влетает после пинка). Уважаемые господа дамы! (все встают и козыряют). Слушать мою команду. С завтрашнего дня наша организация переименовывается в Научную школу имени Сперанского.

Петра Петровна. Как так в научную школу? Мы же вуз.

Антонина Михайловна. А почему именно Сперанского? И какого из Сперанских? Их немало в нашей истории.

Борис Борисович. Таково решение Людей Сверху. Нам всем придется пройти творческий конкурс на замещение вакантных должностей адептов первой и второй ступени.

Петра Петровна. Конечно, я преклоняюсь перед деятельностью любого из Сперанских, но вряд ли кто-нибудь из нас потянет на его адептов и тем более на научную школу.

Инна Николаевна (*вскакивая с места*). Ну почему же? Ведь в школе проходили про Сперанского. Вы, Петра Петровна, не говорите за всех. Я – смогу! Вот вы все не сможете, а я смогу. (*Поет нервно*) «Я про–о–осто готова, готова, готова...», готова, готова, всегда готова. Мы все адепты одного из Сперанских. Все. Мы же читаем риторику по его канону. Мной уже и доклад подготовлен! Очень научный доклад.

Антонина Михайловна. Но пастухам все равно, по Сперанскому вы ее читаете или не по Сперанскому. Они с оленями и коровами по своему канону разговаривают.

Борис Борисович (*топнув ногой на Антонину Михайловну*). Молчать! Всем слушать очень научный доклад Инны Николаевны. Мне будет чем отчитаться перед Людьми Сверху за научный вклад в общее дело.

Инна Николаевна (*читает доклад*). Многие считают, что умение выступать перед публикой, это дар свыше, что с этим рождаются.

Члены кафедры. Многие считают.

Антонина Михайловна. Но это неправильно.

Инна Николаевна. Что греха таить, действительно, у кого-то от природы есть данные успешного оратора.

Члены кафедры (*эхом*). Что греха таить.

Инна Николаевна. Ораторское мастерство и красноречие – это настоящее искусство

Петра Петровна. Ораторское мастерство и красноречие – это одно и то же.

Инна Николаевна (*раздраженно*). Я же говорила: у меня оч-чень научный доклад. Не все его могут понять и верно оценить. Не всем дано.

Борис Борисович, Анна Григорьевна. Но есть те, кому дано! Продолжайте, пожалуйста.

Инна Николаевна. Давайте возьмем Демосфена.

Члены кафедры. Давайте.

Инна Николаевна. Или давайте лучше Цицерона.

Члены кафедры. Давайте!

Инна Николаевна. Или возьмем Маргарет Тэтчер.

Члены кафедры. Возьмем.

Борис Борисович. Ну что ж вы о покойнице—то, не надо!

Инна Николаевна. Тогда мы не возьмем Маргарет Тэтчер.

Члены кафедры. Не возьмем.

Инна Николаевна. Ну, раз не возьмем, тогда у меня все.

Аплодисменты.

Борис Борисович. Я немедленно иду доложить Людям Сверху, что наша кафедра всецело поддерживает инициативу открытия научной школы и готова считать себя адептами Сперанского всех степеней и ступеней. (*Петра Петровна хихикнула*)... ступеней.

Инна Николаевна. Я с вами. Вы плохо им объясните. А я еще и деньги выбью на публикацию доклада.

Едва она уходит, ее стул взлетает вверх. Петра Петровна и Антонина Михайловна в ужасе смотрят на улетевающий стул.

Петра Петровна, Антонина Михайловна. Сту—у—ул!!!

Хватаются руками за свои стулья и крепко в них вжимаются. Анна Григорьевна невозмутимо сидит на своем стуле.

Антонина Михайловна (*нервно, с дрожью в голосе*). Почему ее, а не меня? Почему ее, а не меня? Почему? Почему? Why? Why? Why?

Анна Григорьевна. Вай—вай! Никаких «вай—вай». Наверх посадят!

Антонина Михайловна (*чуть не плача*). Что у них там своих стульев не хватает?

Петра Петровна. Дорогая, успокойтесь. (*Подходит к ней, утешая*). Значит, ваше время еще не пришло.

Антонина Михайловна (*утирая слезы*). А когда оно придет, мое время?

Петра Петровна. Теперь уже скоро, моя дорогая. Скажу вам по секрету, я тоже недовольна, что забрали не мой стул, а Инны Николаевны. Я давно собиралась уйти на пенсию.

Едва она произнесла эти слова, как ее стул поднимается вверх.

Ах! (*вслед стулу*) Как же? Как же так? Я собиралась на пенсию, но еще не собралась. Так же нельзя! Так нельзя (*плачет*).

Антонина Михайловна подходит к ней утешить вместе со стулом, придерживая его руками. Петра Петровна машет на прощание платком.

После пинка возвращается Борис Борисович.

Борис Борисович. Оставшиеся коллеги! Люди Сверху требуют от нас передачи одного стула. *(Торжественно)* Ради сохранения кафедры я готов отдать ... и отдаю свой стул. *(Подходит к своему стулу, стул улетает.)*

Антонина Михайловна *(удивленно)*. Так вы нас покидаете?

Борис Борисович. Нет, все—таки у нас очень непонятливые коллеги. Я отдал только свой стул, но останусь заведующим.

Антонина Михайловна. Ну да, да. Есть же министр без портфеля.

Анна Григорьевна. Ну что ж! И постоите!

Борис Борисович *(не ожидая такой реакции от заместителя, командует)*. Молчать! Все стулья в центр!

Антонина Михайловна робко, Анна Григорьевна неохотно ставят два стула в центр. Начинаются диалоги с хождением, а потом с беганием вокруг стульев, словно игра в «третий лишний».

Анна Григорьевна. А бывает заведующий без стула?

Борис Борисович. А зачем мне теперь заместитель?

Антонина Михайловна *(радостно)*. Значит, вся учебная нагрузка достанется мне?

Анна Григорьевна. Заведующий без стула все равно что кот без хвоста.

Борис Борисович. А у меня теперь есть из кого выбирать заместителя.

Антонина Михайловна. Теперь ротвейлерам не купируют хвосты. Это некрасиво.

Анна Григорьевна. Ваши научные труды сомнительны.

Борис Борисович. Ваши методические приемы аморальны

Антонина Михайловна. Ваши пальцы пахнут ладаном, а в ресницах спит печаль...

Раздается откуда—то свисток. Все стремятся занять оба стула. Анна Григорьевна с силой отталкивает Антонину Михайловну и занимает стул.

Антонина Михайловна *(за их спинами, в слезах)*. All's fair in love and war. All's fair in love and war. Господа, вы звери. *(Прощаясь, машет платком.)*

Борис Борисович и Анна Григорьевна сидят рядом на стульях. Диалог ведется с прихлопыванием или притоптыванием, можно с деревянными ложками.

Борис Борисович. Ну, что, Анна Григорьевна? Еще поработаем? Опа—опа.

Анна Григорьевна. А отчего ж не поработать, коли башмаки не сношены. Опа—опа.

Борис Борисович. Стало быть, Анна Григорьевна, мы еще ох как нужны! Опа—опа.

Анна Григорьевна. Не говорите «гоп», Борис Борисович. Нужнее нужника все равно ничего нет! Опа–опа.

Борис Борисович. Кто ж там скорее окажется, Анна Григорьевна? Опа–опа.

Анна Григорьевна. А и гадать тут нечего, Борис Борисович. Опа–опа.

Борис Борисович. Ох, нечего гадать, Анна Григорьевна. Опа–опа.

Анна Григорьевна. Только после вас, Борис Борисович. Опа–опа.

За их спинами появляется Нереальная женщина с букетом полевых цветов, которая с интересом оглядывает присутствующих.

Борис Борисович (не вставая). Здравссте! Вы откуда?

Нереальная женщина. Я – сверху.

Борис Борисович (вскакивая). Ой, простите, не узнал. Здравствуйте! Проходите (уступает ей свой стул).

Нереальная женщина. А вы знаете, как там, наверху?

Борис Борисович (разводя руками). Увы, увы. Только по рассказам.

Нереальная женщина (доверительно). Тогда и я вам расскажу. Там очень, очень хорошо. Светло и сытно. Я люблю ходить по облакам. Они такие мягкие, как мышки. А еще я собираю наверху колокольчики. Хрустальные. Валдайские. Возьмите, они дивно звенят (протягивая ему букет). Только (чуть не плача) у меня ножки болят. А теперь мне опять наверх, наверх, наверх (смеется). Не знаете, где можно познакомиться с Карелом Готтом? (Вскакивает и волочит за собой стул.)

Борис Борисович ошарашенно смотрит ей вслед.

Анна Григорьевна. Ну, что ж вы свой стул–то упустили?

Борис Борисович. Вы же слышали: она – Сверху.

Анна Григорьевна. Это ж местная сумасшедшая. Какой бред несла! Про мышек. А вы уши развесили!

Борис Борисович (оправдываясь). А откуда мне знать? Я там наверху никогда не был.

Анна Григорьевна. Как так не были? Вы ж на каждом заседании говорили, что вернулись Сверху?

Борис Борисович (разводя руками). Ну, вот как–то так. Не пускали меня до самого–то верху. А вы все–таки потеснитесь, Анна Григорьевна. Пока еще я ваш начальник.

Анна Григорьевна. И не подумаю. Враль вы, а не начальник.

Голос, похожий на голос Бориса Борисовича «Анна Григорьевна, вас срочно вызывает начальник охраны».

Анна Григорьевна подсказывает, но поняв, что это уловка Бориса Борисовича, снова плюхается на стул. Однако Борис Борисович тоже успел на него опуститься. Вдвоем на одном стуле.

Анна Григорьевна. Лучше встаньте, Борис Борисович. Свой стул упустили, а я свой не упущу! *(старается его спихнуть)*

Борис Борисович. Вы субординацию—то блюдите, Анна Григорьевна. Я пока прошу, а не приказываю *(пихается)*.

Анна Григорьевна. А у вас талончик к стоматологу на сегодня *(пихается)*.

Борис Борисович. А у вас абонемент в бассейн *(пихается)*.

Анна Григорьевна. Вас дома жена заждалась с обедом *(пихается)*.

Борис Борисович. А вас — сын со своими двойками *(пихается)*.

Анна Григорьевна. А у вас — в квартире газ *(пихается)*.

Борис Борисович. А у вас ус отклеился *(пихается)*.

Анна Григорьевна. А вы наглец! *(пихается)*

Борис Борисович. А вы подлец! *(пихается)*

Анна Григорьевна и Борис Борисович с возгласами «А вы...», «А вы...» пытаются друг друга спихнуть со стула. Внезапно входит группа из трех человек (потенциальные Люди Сверху), грубо и бесцеремонно вытряхивают со стула Бориса Борисовича с Анной Григорьевной и передают стул на верхний ярус. Борис Борисович и Анна Григорьевна отступают в разные стороны сцены и грустно провожают взглядом стул.

Анна Григорьевна. А у меня сегодня бассейн.

Борис Борисович. А у меня на сегодня талончик к стоматологу.

С верхнего яруса стулья перемещаются вниз, Люди с верхнего яруса спрыгивают вниз и рассаживаются. Верхний ярус заполняется новыми стульями. На него восходят новые Люди Сверху и рассаживаются на расставленных стульях. Начинается бесконечная, ритмичная передача по кругу (сверху вниз и назад) бумаг, папок, свитков и пр. Играет бравурная музыка.

КОНЕЦ

2022 - 2024, январь